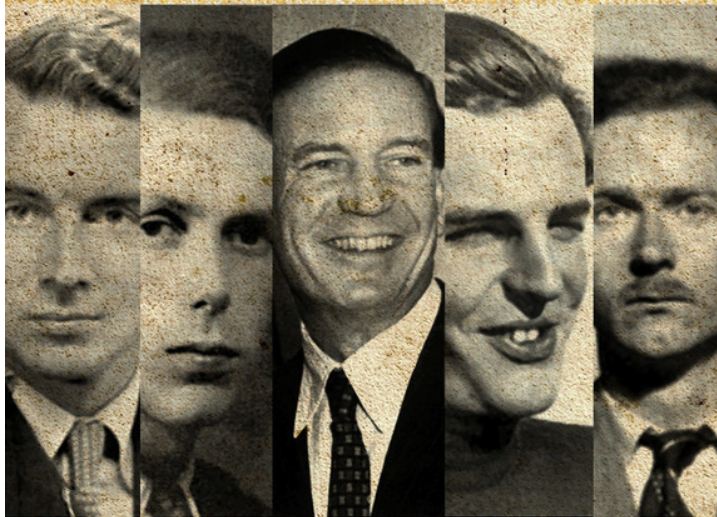

ИСТОРИИ МЕМОАРИ / ПОД ГРИФОМ / 02050107
1E5789N1DVSQ1M02N1<С Е К Р Е Т Н О>VTEG0F5709N0503F5709

ЮРИЙ МОДИН

СУДЬБЫ РАЗВЕДЧИКОВ

МОИ КЕМБРИДЖСКИЕ ДРУЗЬЯ

Юрий Иванович Модин
Судьбы разведчиков. Мои
кембриджские друзья
Серия «Мемуары под
грифом «секретно»»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7916457

*Юрий Модин / Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья: ОЛМА-
ПРЕСС; Москва; 2017
ISBN 978-5-906947-81-9*

Аннотация

"Я сделал попытку дать правдивые портреты всех моих пяти кембриджских друзей: Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Бёрджесса, Энтони Бланта и Джона Кэрнкросса. Пусть они предстанут перед глазами читателей со всеми их достоинствами, слабостями и недостатками, ибо, несмотря на их героический подвиг, они были такими же людьми, как и все мы, каждый со своим характером, своими странностями и наклонностями".

Пять высокопоставленных представителей британской аристократической элиты сотрудничали с советской разведкой на протяжении 17 лет: начиная от подготовки Второй мировой войны, в ходе ее и в течение первого десятилетия

"холодной войны". Они занимали высокие посты в МИДе, МИ-5 (контрразведка), МИ-6 (разведка), военной разведки Великобритании и вошли в историю как "Кембриджская пятерка". Бывший директор ЦРУ Аллен Даллес называл ее "самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны".

Сейчас они все умерли. И я считаю своим долгом и честью офицера восстановить правду. Я работал с ними последние годы, участвовал в организации их побега и ликвидации последствий провала.

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава первая	8
Глава вторая	24
Глава третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Модин
Судьбы разведчиков. Мои
кембриджские друзья

© Модин Ю., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия

25 мая 1951 года английская контрразведка МИ-5 установила исчезновение начальника департамента США английского министерства иностранных дел Дональда Маклина и первого секретаря английского посольства в Вашингтоне Гая Бёрджесса. В этот день предполагалось начать допросы Маклина на предмет его сотрудничества с советской разведкой.

Расследование затянулось почти на сорок лет. Выяснилось, что дело не только в двух дипломатах, а в целой группе из пяти английских аристократов, сотрудничавших с советской разведкой семнадцать лет, начиная от подготовки Второй мировой войны, в ходе ее и в течение первого этапа «холодной войны».

Средства массовой информации Англии и других стран Европы развернули кампанию по дискредитации «пятерки». При этом на них было вылито столько лжи, клеветы, грязи, бессовестного обмана, что меня, связанного в течение всей жизни с прессой, охватывал ужас. Я ничем не мог им помочь: не по моей воле пресса десятилетиями молчала об этом феноменальном явлении в разведке.

Сейчас они все умерли. И я считаю своим долгом и честью офицера восстановить правду. Я работал с ними последние годы, участвовал в организации их побега и ликвидации последствий провала.

Все они были убежденными антифашистами, некоторые даже марксистами. Изучая внешнеполитическую информацию середины XX века, наблюдая, как по всему свету расползаются смуты, войны, революции и другие потрясения, они не теряли оптимистической уверенности в том, что все эти процессы могут быть остановлены. Они не всегда одобряли политику советского правительства, но верили по крайней мере в позитивность его намерений.

В своей книге я делаю попытку дать правдивые портреты всех пяти моих кембриджских друзей: Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Бёрджесса, Энтони Бланта и Джона Кэрнкросса. Пусть они предстанут перед глазами читателей со всеми их достоинствами, слабостями и недостатками, ибо, несмотря на их героический подвиг, они были такими же людьми, как и все мы, каждый со своим характером, своими странностями и наклонностями.

Книга издана во Франции, Англии, США, Канаде и Испании и, судя по отзывам, везде имела большой успех.

Надеюсь, что она заинтересует и вас. Я, как и все мемуаристы, по словам В. В. Шульгина, льщу себя убеждением, что плохие записки для современников – хороши для потомков.

*Кандидат исторических наук, доцент,
полковник в отставке Ю. Модин*

Глава первая

Лондон, февраль 1948 года

Я жил тогда в Лондоне. На дворе стоял февраль, самый ненастный и ветреный месяц года. Было далеко за полночь. Но мне не спалось. Не давала покоя мысль о том, что же известно Комитету государственной безопасности о Джоне Кэрнкроссе. Думал я и о предстоящей встрече с ним.

В течение нескольких дней я и Николай Борисович Родин – он же Коровин, мой официальный начальник и резидент КГБ в британской столице – неоднократно проверяли детали предстоящей встречи. Мне хотелось знать все о жизни и характере моего будущего первого оперативного агента Кэрнкросса, который значился в КГБ под кличкой «Карел». С ним мне предстояло встретиться с глазу на глаз в ближайшее время. Надо было составить его психологический портрет, что позволило бы предсказать, как он поведет себя в той или иной ситуации.

В неторопливой беседе Коровин предупредил меня, что у этого агента есть два серьезных недостатка: склонность к забывчивости и необязательность – он почти никогда не приходит на встречу вовремя. Я, конечно, учел это предупреждение и соответственно подготовился.

Прежде всего тщательно продумал, какое выбрать место

для наших дальнейших встреч после установления первого контакта, который должен был быть подготовлен не мной, а Миловзоровым, бывшим в то время связным Кэрнкросса. Миловзорову следовало представить меня Кэрнкроссу и уйти.

Несколько дней я потратил на то, чтобы найти такое место в Лондоне, которое устроило бы меня и агента. Иными словами, это должно было быть кафе или ресторан, расположение которого Кэрнкросс мог легко запомнить и чувствовать себя там в безопасности. Однако окончательное решение осталось за Миловзоровым.

Затем я принялся за разработку маршрута, по которому следовало отправиться на встречу. Какую-то часть пути надо будет пройти пешком, затем совершить длительную, запутанную поездку в метро с несколькими остановками, пересадками, возвратом назад. Необходимо также удостовериться, что за мной никто не идет по пятам.

На составление таких маршрутов всегда требуется много времени, но тщательность, с которой я их разрабатывал, оправдывала себя. Мне следовало оставаться «чистым», что на нашем профессиональном языке означало отсутствие слежки. К сожалению, не все наши связники были так осторожны. После двух-трех благополучных встреч они расслаблялись, теряли бдительность, пренебрегая элементарными приемами, обеспечивающими безопасность. Я быстро уяснил для себя, что Коровин – наш активный агент, сам разра-

ботавший сугубо практическую систему отрыва от возможных преследователей, – стал без должного уважения относиться к тем самым правилам, неукоснительное следование которым строго предписывал другим работникам. В конце концов его небрежность привела к потере нескольких агентов.

Коровин предложил мне встретиться вечером, за день до моего первого свидания с Кэрнкроссом. Обсуждать было уже нечего, но я не стал возражать и пришел к нему в кабинет. Коровин с важным видом поднялся с места, шумно отодвинул стул и, обогнув письменный стол, опустился в кресло напротив меня.

– Юрий Иванович, – начал он менторским тоном, который уже стал меня раздражать, – вы легко можете себе представить, какие большие надежды возлагает на «Карела» Москва, особенно военные. Посмотрите, как быстро Центр отстранил Миловзорова от работы с «Карелом», когда у него возникли проблемы во взаимоотношениях с агентом. Если вы будете действовать так же, то, несомненно, погубите свою карьеру.

Коровин помолчал. На его лице появилось умиротворенное выражение, словно он не без удовольствия представил себе, что будет со мной, если я попаду в немилость.

– Интересно, какую кличку вы собираетесь выбрать для себя. Я полагаю, вы подумали над этим?

А я об этом вовсе и не думал, меньше всего волновала

меня в то время кличка. Куда более важная проблема стояла передо мной: а справлюсь ли я вообще с этой работой? Но надо было что-то ответить.

– Да, конечно. Если не возражаете, я возьму кличку «Питер».

Я мог бы с таким же успехом сказать «Макс», «Гарри» или «Джим», но я остановился на «Питере», может быть потому, что видел в детстве фильм «Под крышами Парижа», в котором главного героя звали Питер.

«Питер» был первым из длинного ряда моих псевдонимов. Мои коллеги знали меня под разными именами. Я пользовался ими, работая со своими агентами, или подписывая телеграммы и документы, отправляемые в Москву из лондонской резидентуры. Для одних агентов я был Питер, другие называли меня Джорджем и т. д. Каждая группа оперативников знала меня под определенной кличкой.

– Теперь, Юрий Иванович, действуйте самостоятельно, – сказал Коровин, выходя из кабинета и закрывая за собой дверь.

В ночь перед тем, как отправиться на первую встречу, я спал крепко, хорошо зная себя: чем сильнее опасность, тем спокойнее я становлюсь. Я уже точно продумал, что именно следует спросить у моего будущего агента. Тем не менее я хорошо понимал, что самое главное на первой стадии знакомства – это создать благоприятную атмосферу для дальнейшей работы.

Но душа моя была беспокойна. Я все-таки испытывал тревогу перед встречей с этим человеком, который был значительно старше и неизмеримо опытнее меня. И в то же время ликование, казалось, охватило меня всего. Я отдавал себе отчет в том, что работа моя связана с большим риском, но был уверен, что не ошибся, избрав карьеру разведчика, пусть пока только «винтика» в огромной машине московского Центра.

В это утро погода в Лондоне была особенно сырой и промозглой. Я вышел из дома рано и отправился, как обычно, в советское посольство. Навстречу мне двигались толпы спешащих в свои офисы бледных и насквозь промокших прохожих. И, глядя на них, я теперь уже не сомневался, что вписываюсь в эту общую картину, ничем не выделяясь. Лондонцы, простые рабочие и служащие, не обращали на меня никакого внимания.

В посольстве я поработал до обеда и пошел в столовую один, чего, как правило, никогда не делал раньше. Почему? Я не знаю, но мне как-то не хотелось разговаривать с сослуживцами. Мои мысли сосредоточились на предстоящей встрече, хотя на первый взгляд она не представлялась такой уж важной. Мне, собственно, нечего сказать «Карелу», а у него не могло быть пока ничего особенного для меня. Это – просто первая встреча, и даже не с глазу на глаз, а в присутствии Миловзорова, и все же – мое первое активное задание в Лондоне.

После обеда я пошел в кино. Сеанс окончился где-то около шести вечера, и на улице уже стемнело. Моросил мелкий ледяной дождь. Я поднял воротник плаща, глубже надвинул на уши шляпу и стал похож на настоящего конспиратора. Казалось, все прохожие, шедшие мне навстречу, догадывались, что я шпион. На самом же деле англичанам, вобравшим головы в плечи под морозящим дождем, не было никакого дела до Юрия Ивановича Модина, младшего офицера КГБ, вышагивавшего на свою первую встречу с английским агентом.

За два часа я проделал весь тот мучительный путь, который предварительно разработал: пересек несколько жилых районов, улиц и площадей, на которых даже малому ребенку не трудно было бы засечь наблюдателя, если бы таковой появился. Одно из моих неукоснительных правил – постараться выбрать улицу с тротуаром, расположенным только по одной стороне. Что это мне давало? Ну, например, я иду по такой улице, затем, пройдя полдороги, неожиданно поворачиваю и возвращаюсь обратно. Если за мной прилепился «хвост», он окажется перед выбором: быстро перейти на противоположную сторону и тем самым обнаружить себя; столкнуться со мной лицом к лицу или же принять более благоразумный вариант – обойти пару кварталов и постараться обнаружить меня. Но это даст мне достаточно времени, чтобы оторваться от слежки.

Пройдя запланированную часть пути пешком, я спустился в метро, вышел на одной из станций и широкими концентри-

ческими кругами стал приближаться к месту встречи – популярному бару в Западном Лондоне. Но мне этот бар был не знаком, и как только я увидел его впечатляющую дверь, окна с зарешеченными стеклами и уютный, ярко освещенный интерьер, то остро почувствовал, что место это мне вовсе не нравится: мы будем здесь явно на виду. Бар был выбран Милловзоровым, которому, скорее всего, хотелось использовать эту встречу как последний шанс хорошо провести время в удобной пивнушке за казенный счет.

Было уже восемь вечера, а я, постоянно проверяясь, все еще устало шагал по соседним улицам. Наконец, убедившись, что слежки за мной нет, спокойно вошел в бар. Оглядевшись, еще раз убедился, что мои подозрения небезосновательны: встречаться с агентами в подобных местах крайне рискованно. Дело в том, что лондонские пивные бары – это, по существу, клубы, которые посещают завсегдатаи, хорошо знающие друг друга в лицо. Я мог ходить по улицам, не привлекая ничьего внимания, но в баре дело обстояло иначе. Тут я чувствовал себя неловко, во мне легко было распознать иностранца, совершенно не привыкшего к таким местам. Я никогда не узнаю, какова будет реакция того или иного посетителя, если, конечно, когда-нибудь не получу доступа к английским разведывательным архивам (а дело на меня, я в этом уверен, конечно же, там есть). Итак, войдя в бар, я почувствовал, что все посетители пристально рассматривают меня, причем довольно недоброжелательно.

И хотя Коровин показывал мне фотографию Кэрнкросса, я не был вполне уверен, что узнаю его в баре. Я поискал глазами самый темный уголок и по пути заказал у стойки кружку пива. Только я уселся, вижу – идет Миловзоров, а впереди него человек в старом плаще, лет тридцати пяти, в нем я сразу признал нашего агента.

Они выбрали себе столик. Тогда я встал и присоединился к ним.

Глядя на них, мне стало ясно, что эти двое плохо подходят друг к другу. Миловзоров, мрачный, раздражительный человек с плохим характером, редко бывал в хорошем расположении духа, а в этот вечер выглядел еще угрюмее, чем всегда. Он избегал встречаться со мной взглядом и разговаривал только с Кэрнкроссом.

– Это Питер, – сказал он, кивнув, наконец, на меня. – Отныне он будет вашим связным. Работник проверенный и пунктуальный. Желаю обоим всего наилучшего.

С этими словами он поднял свою рюмку, выпил ее до дна, поднялся и неловкой шаркающей походкой вышел из бара, оставив нас двоих, с каким-то чувством неловкости оглядывающих друг друга.

Так продолжалось несколько минут, в течение которых я попытался составить свое впечатление об этом человеке. Джон Кэрнкросс был типичным шотландцем, довольно высоким, с костистым лицом и бегающими глазами. Я по опыту знал, что хорошо воспитанные люди неизменно обладают

несколькими чертами, которые выделяют их из толпы: ботинки у них выглядят так, как будто их только что почистили; рубашки могут быть поношенными, но воротнички жестко накрахмалены; на брюках, даже если они потрепанные, всегда бросается в глаза «стрелка». У Кэрнкросса не было ни одной из этих черт. Кроме того, я сразу заметил, что он близорук, хотя и ходит без очков.

Я подавил в себе желание задать ему несколько вопросов, зная, что это неуместно и несвоевременно. Для проформы мы выпили по паре кружек пива, поговорили о каких-то пустяках, как это обычно делают благовоспитанные, впервые встретившиеся люди, которым нечего особенно сказать друг другу.

Наша беседа не имела профессионального характера, так как я не знал, как приступить к делу, хотя это и было единственной целью нашего пребывания в баре. Бывает иногда такое состояние, когда не знаешь, что сказать человеку, недостатки которого хорошо известны. Это похоже на первое свидание мужчины и женщины, которые мало знают друг друга, думают об одном и том же, а нужных слов не находят. Кэрнкросс был совершенно спокоен, я тоже не терял присутствия духа, но при этом чувствовал, как его быстрые глазки профессионально оценивают меня. Я был отнюдь не первым его связным, а по крайней мере третьим или четвертым. Он, казалось, сравнивает меня с ними. Я чувствовал себя новичком под его пристальным взглядом и подумал, что хотя он

и старше меня всего лишь лет на девять, но, несомненно, опытнее.

Не было смысла затягивать встречу и задерживаться в заведении, где в любую минуту нас мог заметить кто-нибудь из знакомых. Несмотря на профессиональную выдержку, в душе у меня все кипело. Надо же было поставить меня в положение, когда я так бросаюсь в глаза. Для себя я уже твердо решил, что впредь никогда не буду встречаться с агентами в барах. То, что по одежде я не отличался от англичанина, не имело к делу никакого отношения: я мог бы вырядиться в шотландскую юбку, и все равно никто бы не принял меня за шотландца.

Кэрнкросс и я поставили свои кружки на стол одновременно. Перед тем как распрощаться, я назначил место и время нашей следующей встречи – восемь часов вечера на Хэммерсмит-Гроув, 12 марта 1948 года.

За месяц вперед я уже разработал точный план, по которому мне следовало добираться к месту назначенной встречи, и, предварительно побеседовав с Коровиным, отрепетировал его несколько раз. Моей первой заботой было свести до минимума риск для нашего агента, учитывая его рассеянность и недостаточную пунктуальность. Впоследствии мне постоянно приходилось обращать на это особое внимание, так как его недостатки могли в любой момент иметь для нас обоих самые печальные последствия. И я с самого начала решил, что нам надо встречаться в местах, хорошо ему извест-

ных, и всегда в один и тот же час – восемь вечера.

Таков был мой первый опыт работы в качестве связного с оперативными агентами. Все это казалось мне в новинку, и я признаюсь, что не был полностью подготовлен к выполнению таких заданий. Ведь я никогда не был прирожденным разведчиком и даже отдаленно не напоминал Джеймса Бонда или сыщика из романов Джона Ле Карре¹. Откровенно говоря, в шпионских романах мне всегда был ближе тип, описанный Эриком Эмблером², который дает более точный портрет представителя этой профессии, нежели Флеминг³ или Ле Карре.

Я отнюдь не какой-нибудь выдающийся человек, обладающий исключительными талантами, и мой интеллект не выше среднего. Учился я всегда хорошо, и в средней школе, и в Высшем военно-инженерном училище, но никогда не имел особого дара к шпионажу. Фильмы, книги и газеты тенденциозно изображают шпионов как крутых суперменов, но я в свое время повидал их достаточно, и, на мой взгляд, описания подобных личностей в литературе далеки от действительности. В большинстве случаев их интеллектуальный

---

¹ Ле Карре Джон (род. в 1931 г.) – псевдоним английского писателя Корнуэлла, автора детективных романов («Убийство по-джентльменски», «В одном маленьком немецком городке» и др.)

² Эмблер Эрик – автор английских детективных романов.

³ Флеминг Йен (1909–1964) – американский писатель, автор романов авантюрно-приключенческого жанра, главным персонажем которых является тайный агент 007 – Джеймс Бонд.

уровень оставляет желать лучшего. Кстати, это совсем не так уж и плохо. Я по опыту знаю, что высокий балл по тесту на определение интеллектуального уровня вовсе не должен служить главным критерием выбора обычного секретного агента, который на деле всего лишь солдат в общей системе разведки.

И в то же время для шпиона совершенно необходимы такие качества, каких нет у солдата. Например, в его характере должна быть непосредственная, живая, с озорнинкой струнка. Этому трудно поверить, но на деле так оно и есть. Подобная натура поможет выдержать стрессы, возникающие из-за постоянной опасности, так часто встречающейся в нашей работе. Когда агент утрачивает это особое качество, он превращается в машину, становится человеком черствым, излишне строгим и жестоким, анализирующим события холодно и методично. Функционировать-то он будет, но не завоеует у собеседника уважения, потому что у него не найдется ни энтузиазма, ни интуиции, ни восторга, которые позволят ему увидеть то, чего не могут заметить другие.

Я также думаю, что разведчик должен быть и хорошим политиком. В противном случае толку от него не будет никакого, ибо он никогда не сумеет задать правильного вопроса в подходящий момент и не соберет нужную информацию. Я с уважением отношусь к людям с высокоразвитой политической ориентацией. Имея с ними дело, легко себя чувствуешь, а это в свою очередь облегчает работу разведчика. Эф-

фактивно работающий агент обладает способностью анализировать политические проблемы не хуже опытного политика. Если он хочет, чтобы информация, которую он направляет в Центр, принесла какую-то пользу, то не должен посылать ее в том объеме, в каком получил. Следует классифицировать ее, выделив те пункты, по которым можно предугадать или которые помогут предсказать грядущие события. Агент должен прогнозировать сегодня то, что его начальники потребуют завтра. Если он будет ждать распоряжений сверху, то упустит время, и риск, которому он подвергал себя, добывая информацию, окажется напрасным, ибо полученные им сведения потеряют актуальность. К сожалению, слишком многие из агентов КГБ склонны были дожидаться приказаний.

Я уверен, и свою уверенность подтвердил для себя позднее, когда преподавал в разведывательной школе, что каждый агент должен внимательно следить за политическими событиями, если хочет прогнозировать окончательный результат своей задачи. Иначе пользы от его работы будет не много. Агенту, воображающему себя неким Джеймсом Бондом, нет места в разведке. Я знал таких людей, которые пытались копировать шпионов из детективов Йена Флеминга, изображавших из себя героев, щеголяющих добытыми ими чепуховыми сведениями, жадных до секса, якобы неустрашимых и постоянно участвующих в различных потасовках. Никто из них не пошел далеко.

Хороший секретный агент должен быть сильным физически и морально. Как говорится, «в здоровом теле – здоровый дух». Если человек физически здоров, это поможет ему преодолевать тяжелые нагрузки, более того, даст возможность подходить к сложным проблемам, оценивая их с предельной ясностью, независимо от того, разрешимы они или нет. Это может показаться банальным, но утомительная, полная нервозности работа агента, с ее тайными встречами и постоянной настороженностью, оставляет в душе человека глубокие рубцы. Секретный агент гораздо больше уязвим и взвинчен, чем представитель любой другой профессии, которая не заставляет его жить в постоянном напряжении.

С первых дней своей тайной встречи с агентом за границей я понял, как важно быть физически подготовленным. Регулярные тренировки дают дополнительное преимущество, которое когда-нибудь может спасти тебе жизнь.

Для разведчика всегда существует разрыв между тем, что может показаться ему полезным на месте, и тем, что полагает важным его начальство. Это характерно для всех разведывательных служб, будь они советские, американские, французские или английские. Часто возникают разногласия, а иногда даже явные противоречия между указаниями начальства и действиями агента. Хороший разведчик должен окружить себя оболочкой ледяного самообладания, которая даст ему возможность выполнить то, чего хотят от него руководители. Часто при самостоятельном подходе к делу агент и не поду-

мал бы поставить перед собой такую задачу.

А стресс иногда бывает невыносим. Всегда нужно быть готовым к худшему. Вы боитесь провала, боитесь потерять контроль над собой.

Часто агенты заглушают свой страх алкоголем и много пьют. Нельзя, конечно, сказать, что все такие. Однако необходимость снять напряжение бывает иногда непреодолимой. Одних угнетает чувство глубокой вины, у других сложные отношения с женщинами, третьи погрязли в азартных играх. Чтобы агенту как-то расслабиться, ему необходимо иметь какое-нибудь хобби. Мы, русские, особенно любим работу на земле, и многие из наших сотрудников становились страстными садоводами. Они любовно ухаживают за растениями на маленьких участках вокруг дач. Или же проводят свободные часы, ремонтируя и украшая свои квартиры, часто без особой нужды. Чего мы все ищем – это возможности освободиться, отдохнуть от нервной изматывающей работы. Когда человек расслабляется, рассудок его становится спокойней, мысль – яснее. Я лично с удовольствием выращиваю овощи в загородном саду. Особенно люблю пекинский салат, капусту брокколи и всякую другую экзотику помимо традиционных русских культур.

То, о чем я пишу, может показаться совсем необычным по сравнению с тем, что приходится читать в многочисленных шпионских романах. Как правило, их герои не испытывают особых психологических проблем. Тем не менее такие про-

блемы есть. Но об этом я расскажу чуть позднее.

Глава вторая

Как я пришел в КГБ

Я вовсе не стремился стать разведчиком. Мои родители не имели совершенно никакого отношения к секретной службе. Это были абсолютно аполитичные люди. Родился я в Суздале, старинном и глубоко консервативном русском городе, расположенном вдалеке от железной дороги, отрезанном тем самым от остального мира. Хотя между Москвой и Суздалем всего 200 километров, фунтовые дороги, ведущие в город, оставались в ужасном состоянии, на том же уровне, как и в старину, когда по ним гнали пешком заключенных в Сибирь. В 1922 году, когда я появился на свет, суздальчане все еще жили жизнью прошлого века. Большинство домов – деревянные, единственное средство передвижения по городу – лошадь, запряженная в телегу. А в целом это довольно тихий и красивый городок, воплощение древней Руси.

В то время в Суздале было еще много действующих церквей, а также два больших монастыря, куда ежегодно стекалось множество паломников. В моей памяти сохранились толпы старушек, бредущих по воскресеньям в церковь.

Соседние улицы оглашались церковным пением стареньких женщин и басовитых дьячков. Меня не воспитывали в религиозном духе, и все же я рос в атмосфере православия

и преданности вере.

В России произошла революция, велась антирелигиозная кампания, но приверженность к церкви нашего маленького городка с населением в одиннадцать тысяч человек осталась непоколебимой. Сергиев Посад и Суздаль были ближайшими к Москве городами, куда еще шли паломники для поклонения святым местам.

Социальное происхождение моих предков весьма неоднородно. Дед по материнской линии, богатый купец, женился на женщине из бедной семьи. Совсем молодым он умер от туберкулеза. Его вдова и моя мать оказались в нужде, но благодаря заботам городских благотворителей мать смогла все же получить среднее образование. По окончании гимназии в 1917 году она бегло говорила по-английски и по-немецки. Но на этом ее образование закончилось.

Мой отец – кадровый военный, и с ним мы кочевали из города в город. Пока я учился в десятилетке, мы побывали не менее чем в десяти городах. Кочевой образ жизни русских военных, то и дело менявших место жительства, глубоко отразился на моей жизни. При всех трудностях, связанных с пребыванием в неблагоустроенных общежитиях, он нес в себе и много положительного, в частности, развил во мне способность легко устанавливать контакт с другими людьми, уверенно сближаясь с окружающими в самых разных ситуациях.

Я неплохо учился, разве что немецкий язык оставался

проблемой на протяжении всей моей школьной жизни. Сейчас я ни слова не знаю по-немецки. А виновата в этом отчасти была моя мать, которая делала за меня домашние задания, в то время как я играл с ребятами на улице. А вот английскому она учила меня сама, и здесь я добился больших успехов.

Среднюю школу я окончил в Липецке, небольшом русском городке, где находилось учебное заведение, готовившее пилотов. Согласно межправительственному договору между Россией и Германией, немцы, не имевшие права по Версальскому договору обучать летчиков на своей территории, приезжали учиться в эту летную школу. Герман Геринг, например, овладевал летным искусством именно здесь. Позднее, когда нацисты оккупировали этот район, Липецк по прямому приказу Геринга, в отличие от других городов, не был разрушен. Даже главари нацистов бывали сентиментальными.

В Липецке в 1938 году я вступил в комсомол. Интересно, что отец мой всячески этому противился. При существующем тогда положении он считал, что лучше оставаться в стороне от этой организации, по крайней мере на время. Советский Союз переживал тогда беспрецедентный сталинский террор. Проводил его Николай Иванович Ежов, возглавлявший НКВД с 1936-го по 1938 год, и слово «ежовщина» стояло у всех на устах. Старая гвардия большевиков была почти полностью ликвидирована, пострадал каждый десятый член Центрального комитета партии. Чистка шла и в про-

винции, где уничтожали не только партийных работников, но и комсомольцев. Главным объектом чистки стала армия. Герой гражданской войны маршал Михаил Тухачевский был расстрелян. Вместе с ним погибли семеро других высших военачальников. В 1938 году дошла очередь и до армейских офицеров.

Гонения на армию не миновали и моего отца. По приказам Ворошилова и Буденного, возглавлявших чистку, отца с семьей сначала выселили из общежития, затем отстранили от служебных обязанностей. В любой момент он мог ждать внезапного ареста и в конечном итоге расстрела.

Но, несмотря на это, он продолжал получать свое обычное содержание. В конце месяца раздавался звонок в дверь и появлялся полковой казначей. Я видел, как отец расписывался в ведомости и получал несколько купюр, которые засовывал в карман гимнастерки.

Ожидание ареста продолжалось целый год. Благодаря какому-то необычайному везению отца все же не тронули, и ему удалось выжить. Причин тому мы так никогда и не узнали. Но за это время отца понизили в должности, он понял, что его военная карьера практически закончилась, и устроился работать преподавателем в Липецке. Мы все облегченно вздохнули.

Хотя мой отец и не был коммунистическим фанатиком, он никогда и не выступал против существующего режима. Во время гражданской войны он сражался в рядах Красной

армии, был ранен под Петроградом, а затем послан на Кавказ, где служил в должности комиссара курсантской бригады, занимаясь политическим воспитанием красноармейцев.

Вопреки опасениям отца, я шел по жизни без особых осложнений, был избран в члены комитета комсомольской организации нашей школы, живо интересовался политикой, хотя в то время мои представления о жизни еще не полностью сформировались. По-детски я верил в возможность построения коммунистического общества. Как член комитета не раз выступал на собраниях и различных конференциях. Меня это весьма стимулировало, создавало впечатление, что я таким образом выполняю свой долг советского гражданина.

В конце 1939 года в Европе разразилась война. И хотя Молотов и Риббентроп заключили пакт о ненападении⁴, мы были уверены, что в конечном счете и нас втянут в этот конфликт. Многие молодые ребята старались поступить в специальные учебные заведения, которые позволили бы им не прерывать учебу, получив отсрочку от военного призыва. Вышедший незадолго до этого указ устанавливал призывной возраст окончивших среднюю школу в 17 лет. Понятно, что конкурс при поступлении в такие школы был большой и выдержать его оказывалось нелегко.

---

⁴ Так называемый пакт Молотова – Риббентропа, заключенный в 1939 году между министрами иностранных дел СССР и Германии, к нему имелись тайные протоколы о разделе Польши.

Мне исполнилось как раз семнадцать, когда я окончил школу. Мать была в отчаянии: она считала, что меня сразу же убьют, если я попаду в армию. Надо было думать, что делать дальше. Хотя я еще не видел моря, меня в то время оно влекло к себе особенно сильно, обещая приключения на его просторах и путешествия в далекие страны. А отец подметил у меня еще и способности к всевозможным поделкам. Я с детства любил что-то строить своими руками. И он посоветовал мне поступить в Высшее Ленинградское военно-морское училище, готовившее гражданских инженеров-строителей.

Отец предупредил меня, что попасть в это престижное заведение будет очень трудно: желающих много, а вакансий мало.

– Но раз ты считаешь себя умнее других, – сказал он, – тебе и представится возможность доказать это. Твоя мать уверена, что ты поступишь, хотя она, скорее всего, и ошибается. У нас в Советском Союзе все матери уверены, что их дети самые умные.

Конкурс был огромным. На каждое место претендовало сорок абитуриентов. И это после того, как многих просто не допустили к экзаменам из-за недостаточного балла, полученного ими по окончании средней школы.

Школьный аттестат позволял мне приступить к экзаменам. Правда, друзья пытались отговорить меня: ты, мол, из провинции, а училище отдает предпочтение москвичам и ле-

нинградцам. Шансы же на поступление у липецкого школьника ничтожны, всегда найдут способ «завалить» тебя.

Мне рекомендовали военные училища, куда легче было поступить, но меня вовсе не радовала перспектива стать капитаном корабля.

Начал сдавать экзамены. И – сдал. Единственной загвоздкой оказалась работа по математике. Я получил за нее всего лишь оценку «удовлетворительно». Среди курсантов оказалось много ребят, гораздо лучше меня подготовленных по точным наукам. Это были главным образом ленинградцы из еврейских семей. Моя оценка оказалась самой низкой. И все же меня приняли в училище! Я был в восторге.

Я никогда не стремился к военной карьере, но вскоре обнаружил, что училище довольно-таки сильно военизировано. Нас сразу же остригли наголо и установили железную дисциплину. Бывший тогда министром обороны маршал Тимошенко вводил такие порядки не только в военных, но и в полувоенных училищах нашего типа.

За мельчайшую провинность нас сажали в карцер. Заключенным в малюсенькую камеру разрешалось прилечь только от 12 ночи до 6 утра. В остальное время койка поднималась к стене и прикреплялась цепью. Духота была неопишная.

Я побывал в карцере только раз, но и этого было вполне достаточно. Дело в том, что мне поручили следить за порядком на кухне. Кормили нас более чем скромно, и иные курсанты опустошали свою тарелку за одну-две секунды. Ну что

такое четыре ложки каши для восемнадцатилетнего молодца? Как-то раз ребята устроили целый бунт, орали, требуя добавки, когда некоторые еще не получили и первой законной порции. Пытаясь успокоить расходившихся курсантов, я совершенно забыл отправить обед начальнику училища. Расправа оказалась быстрой и жестокой: явился дежурный офицер с конвойными и отправил меня под арест.

Закончил я первый курс в июне 1941 года довольно удачно. Но как только окончились экзамены, началась война: нацисты напали на нашу страну.

Многих наших курсантов, будущих инженеров, направили на строительство оборонительных сооружений Ленинграда. Меня не взяли, посчитав, что я еще слишком молод. Но когда немцы окружили Ленинград, отрезав город от Большой земли, нам всем выдали винтовки и послали патрулировать улицы вечером и ночью. В Ленинград проникло много немецких агентов, которые с наступлением темноты запускали ракеты, указывая кружившим над городом бомбардировщикам места, куда сбрасывать бомбы. Главными целями служили здания НКВД и Смольный, где размещался ленинградский обком партии. А наше училище находилось как раз посередине между этими двумя объектами.

В октябре 1941 года мы продолжали выходить в патрули каждую ночь. Мы тогда сохраняли еще неплохую форму, чуть похудели, может быть, но, во всяком случае, не голодали. Однажды сырой, темной ночью, заканчивая патрули-

рование и едва держась на ногах от усталости и холода, мы увидели, как над полуразрушенным домом, не более чем в ста метрах от нас, взвилась ракета. Она вспыхнула, осветив небо, и шлейфом рассыпалась над Невой.

На какой-то миг вокруг нас стало светло, как днем. Нас было трое во главе с прикомандированным сотрудником НКВД. Мы бросились к дому и, прыгая через четыре ступеньки, добрались до верхнего этажа здания. На лестнице валялись балки, ящики, всякая рухлядь. Сотрудник НКВД, гораздо старше нас по возрасту, сильно отстал. Я слышал, как он, тяжело дыша и отдуваясь, поднимается за нами где-то двумя этажами ниже. На верхней лестничной площадке мы, перекрыв ход на чердак, остановились и стали его ждать. Когда сотрудник оказался среди нас, он, даже не остановившись, чтобы вытереть взмокшее от пота лицо, приказал нам сейчас же вернуться вниз. Мы изумленно посмотрели на него, не понимая, почему в самый решительный момент он решил остаться один.

– Быстро вниз, – закричал наш начальник. – Таким желторотым, как вы, рано еще приканчивать шпионов. Оставьте это мне.

Мы повернулись, предоставив ему возможность выполнять свою миссию. Выйдя на улицу, услышали одиночный ружейный выстрел. Через несколько минут сотрудник появился в дверях. Не произнося ни слова, мы вернулись в бараки. В те месяцы подобные эпизоды повторялись часто.

Ленинградцам не хватало топлива. А на полуострове, отделявшем нашу линию обороны от немцев, имелся большой запас угля. Эта ничейная земля именовалась Угольным заливом. Нам приказали пробраться туда под покровом ночи и набрать как можно больше угля и кокса. Мне неоднократно приходилось принимать участие в этих экспедициях. Мешки наполняли углем в основном голыми руками, чтобы производить как можно меньше шума, а потом волокли их к лодкам. Операция эта казалась нам очень опасной. На деле же это было не совсем так, потому что немцы едва ли могли нас различить в темноте. Иногда они для виду открывали беспорядочный огонь. Лично я не сделал ни одного выстрела по немцам, хотя гитлеровцы, не задумываясь, готовы были убить меня. И я по праву считаю себя ветераном-фронтовиком, хотя бы потому, что едва не погиб от голода, как и другие блокадники-ленинградцы.

В декабре люди начали умирать. Наше начальство приняло решение об эвакуации училища. Фронту нужны были инженеры, и, чтобы сохранить ценные кадры, следовало вывезти нас из Ленинграда в более безопасное место. Самым трудным оказалось найти способ выбраться из блокады. Единственный путь – по замерзшей Ладоге, так называемой «Дороге жизни».

Мы были первыми, кто попытался пересечь озеро в сторону Большой земли. Следовало пройти около пятидесяти километров пешком, а мороз был так крепок, что замерзала

водка. Мы оделись как можно теплее, нацепив на себя свитера или жакеты, словом, все, что смогли раздобыть. Каждый тащил тяжелый рюкзак. Ночью цепочкой один за другим вступили на лед. Впереди не видно ни зги, кроме крошечного огонька бакена, зажженного специально для нас. Нужно было идти прямо на этот огонек и ни в коем случае не останавливаться.

Немцы скоро догадались, что какая-то колонна пытается пересечь озеро. Не прошло и часа, как первый снаряд разорвался на льду неподалеку от нас. Любопытно отметить, что мы так долго мучились от голода и настолько ослабли, что оказались не в состоянии даже испугаться.

Я окликнул товарищей. Что будем делать? Сгруппироваться теснее или, наоборот, рассыпаться? Выбрали второе и продолжали идти вперед на расстоянии примерно десяти метров друг от друга. Мне казалось, что я совсем один во всем мире. Промежутки между разрывами снарядов стали значительно короче. Из-под содрогавшегося льда взлетали снопы огня, раздавались приглушенные взрывы, воздух звенел от летящей шрапнели. Ледяной покров мог разрушиться под нашими ногами в любой момент. Сквозь мрак я разглядел неподалеку какой-то колеблющийся свет – это была освещенная луной огромная полынья, образовавшаяся от взрыва снаряда. Я предупредил товарищей, и мы обошли полынью далеко стороной. Приходилось идти очень осторожно, прощупывая каждый шаг. Озерки воды попадались все чаще

и чаще. Мы пробирались мимо них, словно по огромному лабиринту, обходя промоины длиной в несколько километров. Немецкая артиллерия продолжала поливать нас своим огнем. По счастью, стреляла она наугад. Иногда снаряд падал на расстоянии брошенного камня, иногда – на дальнем берегу озера. Немцы приняли дьявольскую тактику: поскольку они не могли видеть нас в темноте, то решили пробить пушечным огнем нечто вроде канала во льду озера, который должен был отрезать нас от цели – противоположного берега. Многие из нас заблудились в темноте и, должно быть, погибли, но большая часть курсантов все же добралась до спасительной суши.

В 1985 году я ездил в Ленинград, чтобы отдать долг памяти этому необычному эпизоду в моей жизни. Я узнал место, с которого мы начали свой марш по ледовой дороге. Долго и пристально смотрел на гладь озера... На душе было тяжело.

Когда мы вышли на берег, сил уже никаких не оставалось. Но не могло быть и речи об отдыхе. Начальник училища отдал строгий приказ выйти к железной дороге, а дальше, если удастся, сесть на поезд и ехать до места сбора в Тихвине. Однако никаких поездов мы даже не увидели. Небольшой группой из четырех человек потащились через пустые поля, покрытые глубоким снегом. Идти было трудно. Я не раз падал плашмя, погрузившись лицом в снег. А дотащившись до пригородов Тихвина, мы выяснили, что его уже занял враг. Пришлось идти в обход, продвигаясь медленно и осторож-

но – ведь мы не знали местности и постоянно рисковали нарваться на немецкий дозор.

Зима в тот год стояла неимоверно холодная, и я до сих пор не понимаю, как мы остались живы. Есть было нечего. Я стоворился со своим другом Юрием Проскураковым, моим ровесником, и мы вдвоем кое-как доковыляли до пастушьей избышки в глухой деревне. Жители встретили нас радушно. Им самим жилось голодно, и все же они дали нам несколько картофелин. Слегка подкрепившись, мы двинулись дальше. Блуждали по Ленинградскому району и, чтобы не умереть с голоду, еще не раз обращались за помощью к крестьянам. Без преувеличения можно сказать, что мы обязаны им жизнью.

Наконец добрались до какой-то станции – не могу сейчас вспомнить ее названия – залезли в первый попавшийся телячий вагон, свалились замертво на солому и беспробудно спали до самого Ярославля. Здесь мы нашли почти всех наших курсантов и преподавателей. Местный совет расселил нас в некоем подобии казарм и хлебосольно накормил кашей. Мы так долго не ели досыта, что набросились на еду, как звери. Мы знали, что нельзя есть сразу так много, но удержаться не могли. Голод – страдание ужасное.

В Ярославле мы учились до июля 1942 года. Здесь мне впервые предложили вступить в партию, но я отказался, сославшись на молодость.

Жили бедно, продукты доставляли нерегулярно, о сли-

вочном или подсолнечном масле мы и понятия не имели. Сказывалась ленинградская блокада, малокровие. Короче, все мы впали в апатию. Наше начальство прекрасно это знало, но ничего не предпринимало.

Именно в это тяжелое время я впервые вплотную столкнулся с Наркоматом внутренних дел (НКВД).

Однажды я дежурил на кухне – командир нашего отделения предпочитал доверять мне раздачу пищи, считая, что я делаю это справедливо. Дементьев, курсант пятого курса, которого я сменял, указал мне на один из запертых шкафов, предположив, что в нем, возможно, находятся ворованные продукты.

– Я не смог его открыть. Попробуй ты, тем более что теперь твое дежурство, – сказал он.

Я выяснил, что ключ от шкафа находится у повара, который уже ушел домой. Вызвали дежурного офицера, и тот взломал замок ломом. В шкафу лежал завернутый в газету килограммовый кусок сливочного масла.

Это был июнь 1942 года. Незадолго до того Сталин издал приказ, согласно которому любой человек, пойманный с личным на воровстве армейского продовольствия, подлежал расстрелу на месте. Такой приказ был радикальной мерой, ибо воровство процветало и превращалось в серьезную проблему снабжения фронта.

Я слышал об этом приказе, но до сих пор непосредственно не сталкивался с его применением на деле. К нам прислали

несколько офицеров НКВД, которые арестовали повара. Началось расследование, и меня вызвали в качестве свидетеля.

Признаюсь, меня охватил ужас. Все тогда жили в смертельном страхе перед этой организацией. В пустой комнате офицер безопасности усадил меня на стул перед столом, на котором лежал лист бумаги и карандаш.

Оперативник задал мне несколько вопросов. Подозревал ли я вора раньше, известно ли мне было, что он хранит масло в шкафу, производил ли я дознание по собственной инициативе, собирался ли поймать повара на месте преступления и действовал ли, руководствуясь патриотическим долгом или исходя из каких-то других мотивов.

Я объяснил, что вообще не знаю этого повара, и рассказал обо всем, что произошло на кухне в тот день. Все это время офицер что-то быстро строчил на бумаге. Когда у него больше не осталось вопросов, я увидел, как на первой странице он крупными буквами написал сверху: «ПРОТОКОЛ ДОПРОСА». Сначала я даже не мог понять, о каком допросе шла речь, и только потом осознал свою роль в этом деле.

Через несколько дней всех курсантов училища собрали во дворе – явление из ряда вон выходящее. Я все же ожидал, что вору дадут лишь хорошую выволочку, ну, скажем, неделю карцера. Офицер безопасности сделал шаг вперед и зачитал протокол расследования. Повара признали виновным и приговорили к расстрелу перед строем на следующий день на рассвете.

Мы молча разошлись совершенно ошеломленные. И больше всех это событие потрясло меня. Считая себя причастным к этому приговору, я изо всех сил старался скрыть свое состояние, хотя никто из моих товарищей не сказал мне ни слова по поводу случившегося.

Вор был расстрелян; приговор апелляции не подлежал.

Я часто думал об этом ужасном случае в моей жизни, как во время войны, так и после ее окончания. Чувства вины я не испытывал. Я, как и все, знал, что только самая жесткая дисциплина в нашей армии дала возможность оказать сопротивление захватчику, отстоять нашу Родину, борясь за каждый дом, за каждую пядь земли. Малейшее послабление могло обернуться катастрофой в боевой подготовке и подорвать моральный дух наших войск.

Положение на фронте в то время оставалось очень тяжелым. Немцы продвигались по Украине вдоль Дона в направлении к Сталинграду. По приказу Сталина половина состава флота была причислена к сухопутным частям армии. Мы также стали армейскими пехотинцами, но нас это не особенно огорчало. Тогда еще никто не знал, что Сталинград окажется местом самых кровопролитных боев Второй мировой войны, а 190 дней осады изменят ее ход и поставят в конце концов Германию на колени.

Итак, мы получили приказ двигаться к Сталинграду по Волге – несравнимо более легкий путь, чем тот, который нам пришлось преодолеть, добираясь до Ярославля. В Костро-

ме начальник инженерного училища, в расположении которого мы остановились, сумел убедить наше начальство, что совсем негоже посылать нас на фронт без какой-либо подготовки, и уж особенно глупо превращать в пушечное мясо обученных инженеров, на которых государство потратило столько средств и времени. Поэтому наше руководство и военные власти решили оставить училище в Костроме на месяц или около этого. Нам дали задание освоить оборудование электростанции и поддерживать его в рабочем состоянии, чтобы обеспечивать подразделение «катюш» электропитанием. Вскоре после этого в Костроме окончательно решилась и моя собственная судьба.

К тому времени немцы уже подошли к Сталинграду. Нам было известно, что этот промышленный город с населением почти в полмиллиона не имеет никаких фортификационных сооружений и расположен в такой местности, которая никак не благоприятствовала его обороне: город раскинулся по правому берегу Волги и был совершенно открыт для врага.

Как и все наши курсанты, я предполагал, что нас скоро отправят под Сталинград. И один из моих товарищей снова предложил мне вступить в партию.

Я опять отказался, по-прежнему ссылаясь на молодость, но через несколько дней мне опять сделали такое предложение. Готовилось наше широкое наступление на Сталинградском фронте, и опытные политруки-пропагандисты были как

нельзя более необходимы.

Когда мне все это объяснили, я понял, что далее отказываться неблагоразумно, и вскоре стал членом коммунистической партии. Это произошло в Костроме, городе на Волге, родине семьи Романовых и их предков. Было мне тогда неполных двадцать лет.

И еще одно событие, сыгравшее большую роль в моей дальнейшей карьере, застало меня в этом городе. Как-то раз вызвал меня к себе офицер НКВД.

Он начал разговор с описания положения на фронте, нарисовал картину ужасов войны и преступлений, чинимых нацистами. Затем перешел к делу.

– Тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь хорошо послужить Родине? И для этого вовсе не обязательно отправляться на фронт. У нас есть предложение. Переходи на работу к нам, а после войны получишь возможность закончить учебу в училище.

Я не знал, что ответить. Подозревал, что случай с поваром мог иметь определенное отношение к состоявшемуся разговору, но в то же время опасался, что из меня хотят сделать профессионального информатора, иначе говоря, доносчика.

Заметив мое колебание, офицер добавил:

– Ты можешь стать активным работником «Смерш», нашей контрразведывательной службы.

Я уже знал тогда, что эта странная аббревиатура расшифровывалась как «Смерть шпионам!».

На душе у меня стало легче. Видимо, меня не вербовали на роль доносчика. Попросив несколько дней на размышление, я затем безоговорочно согласился.

В глубине души я был рад получить такую работу и не испытывал при этом никаких угрызений совести. Я считал, что до окончания войны с моей стороны будет совершенно нормально, если мой гражданский долг выразится в борьбе с немецкими шпионами. Работу в контрразведывательной службе в военное время я считал почетным делом. И не я один избрал этот путь.

В октябре 1942 года я и несколько моих однокашников по училищу уже ехали поездом в Москву. Нам объяснили, что в течение месяца мы будем проходить там интенсивный курс обучения. Мы должны освоить начальные знания контрразведывательного дела: научиться выслеживать, арестовывать и допрашивать вражеских агентов, изымать у них документы до того, как они успеют их уничтожить.

Некоторые думают, что НКВД ограничивало свою деятельность лишь арестами и расстрелами шпионов. Это далеко не так. В каждом случае следовало провести тщательное расследование, составить протокол и довести дело до конца в согласии с принятыми юридическими нормами. Во время учебы мы штудировали и анализировали материалы уже завершенных реальных дел. Программа подготовки предусматривала определенные правила, которые мы ни в коем случае не должны были нарушать. Занятия приносили нам

большую пользу, ведь мы были еще так молоды и неопытны, что, по существу, мало чем отличались от школьников.

Но и этому учебному курсу, как и моим занятиям в училище, суждено было прерваться. Когда начальство узнало, что я бегло говорю по-английски, меня сразу же направили в филиал НКВД на Лубянке для совершенствования языковой практики.

В то время в стране было мало опытных переводчиков с английского языка. Нужда в них стала особенно острой после сближения отношений между Россией, Англией и Америкой.

Совершив нападение на Советский Союз, Гитлер объективно содействовал образованию союзнической коалиции. В июне 1942 года мы подписали с Англией соглашение, рассчитанное на двадцать лет, в котором декларировалась общая цель: «действовать сообща для победы и установления длительного мира». Мы также подписали Атлантическую хартию, разработанную Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 года⁵. Хартия провозглашала неотъемлемое право каждого народа на свободу, самоопределение и равные экономические возможности. Такая несколько утопическая программа была более чем приемлема для людей, руководивших тогда Советским Союзом.

---

⁵ Атлантическая хартия США и Великобритании была подписана 14 августа 1941 года. 24 сентября 1941 года на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям хартии.

Таким образом мы временно оказались в одной упряжке с великими державами Запада. Перед ними стояла общая цель – уничтожение фашизма.

Укрепились наши дипломатические контакты с новыми друзьями. Переводчики стали нужны не только в Москве, но и в главных портах страны, так как к нам стало поступать английское и американское снаряжение и продовольствие. Бесперывный поток конвоев доставлял оружие и боеприпасы с английских военно-морских баз в Мурманск и Архангельск. Английские военные стали обычным явлением на улицах этих городов. А американские военные грузы шли к нам через Иран в Баку. Чтобы обслуживать всю эту сложную операцию, в армии и при НКВД были созданы ускоренные языковые курсы.

Поскольку все молодые мужчины, знавшие тот или иной иностранный язык, были на фронте, на эти курсы набирали и женщин. Там я познакомился со своей будущей женой, с которой мы попали в одну английскую группу, каждая из которых состояла из четырех-пяти человек. Позднее ее направили на работу в переводческое бюро.

Нас так ждали на будущей работе, что мы не занимались ничем другим, кроме английского языка. Даже марксизм-ленинизм, обязательный во всех и всяких советских учебных заведениях, был изъят из нашей программы. Очевидно, когда Лаврентию Павловичу Берии, возглавлявшему тогда НКВД, представили для ознакомления список пред-

метов, которые предполагалось нам изучать, он вычеркнул все, оставив только языки. Изучали мы английский глубоко и ускоренно, по семнадцать часов в сутки. Ночью в спальне общежития мне случалось слышать, как ребята разговаривали во сне по-английски, по-французски, по-турецки, по-итальянски. Я совершенствовал свой английский целых десять месяцев, но и на этот раз вынужден был досрочно оставить курсы.

В декабре 1943 года меня без предупреждения направили в Главное управление внешней разведки. Никто даже не подумал спросить моего согласия, но едва ли я смог бы отказаться. Английские переводчики были просто необходимы. Да и предоставленная мне возможность работать в самом престижном управлении секретной службы казалась очень лестной, хотя я слишком хорошо понимал, что меня отобрали для этой цели не из-за каких-то исключительных способностей. Просто больше некому было работать.

В английский отдел Управления набрали семь сотрудников, в американский – пять. Все другие офицеры-переводчики либо воевали, либо были убиты на войне. А к нам шел непрерывный поток информации, главным образом микропленки. Ее доставляли кораблями в Мурманск. Важнейшие разведывательные сообщения накапливались грудями. Семь человек, работавших на Лубянке дни и ночи, почти наугад выхватывали из кип документов какую-нибудь бумагу, кое-как переводили, а остальное подшивали и отклады-

вали «на потом». Это иносказательное выражение для просто забытой части информации, собранной нашими агентами в Англии. А ведь эти люди часто подвергали себя огромному риску, чтобы добыть секретную информацию и переправить ее нам. Что бы они подумали, если бы узнали, что их телеграммы и сообщения в пятидесяти случаях из ста едва ли были прочитаны? Положение стало еще нелепее оттого, что значительная часть секретных донесений чрезвычайной важности откладывалась навсегда.

Руководство НКВД понимало всю серьезность положения. Оно знало, что из-за недостатка работников наша страна не пользуется теми преимуществами, которые дают ей агенты, работающие за рубежом.

Так что мне сразу же стало ясно, почему меня приняли в этот отдел. Сначала мои руководители послали менязнакомиться с документами и подшивать те из них, которые еще предстояло перевести.

Увидев у себя на столе гору папок, принесенную делопроизводителем, я призвал на помощь все свое мужество и упрямо набросился на первую пухлую папку, аккуратно перевязанную тесемкой. Прочел несколько страниц. Достаточно ли интересен этот материал, чтобы переводить его целиком? Из чего я должен исходить, решая этот вопрос? Первую папку отложил. Взял следующую. Потом еще одну. Просмотрев штук десять, остановился, подумал и в конце концов установил для себя критерий: что очень важно, а с чем можно и

подождать.

Прошло несколько недель напряженной работы, и вот, наконец, я получил первое задание на перевод документа. Это было сообщение одного из наших лондонских агентов. Теперь я уже забыл, о чем там шла речь, потому что дальше пошел один перевод за другим. Я работал как автомат, зачастую не понимая, какое значение имеет донесение. Кроме того, мне приходилось много заниматься технической работой. Я подшивал документы, подклеивал ярлычок, который затем подписывал мой начальник, так как в то время моя подпись не имела никакого значения. Затем меня стали посылать в архив, чтобы найти тот или иной понадобившийся документ и перевести его для начальника английского отделения. Эта механическая, чисто бюрократическая работа была утомительна до умопомрачения.

Позже, когда я завоевал доверие начальства, мне поручили классифицировать вновь прибывающую информацию из нашей лондонской резидентуры. Я переводил ее, а затем передавал по назначению. Я быстро научился определять те документы, которые заслуживали особого внимания, и передавал их только своему непосредственному начальнику. Это были главным образом донесения, касающиеся внутренней и внешней политики Англии, исследований в области атомной энергии, военной экономики и взаимоотношений Англии с другими странами. Все эти вопросы были особенно важны для Сталина, который прекрасно знал, что британский пре-

мьер-министр Уинстон Черчилль лгал, когда жаловался ему на то, что у союзников якобы мало живой силы и боеприпасов. Основываясь на донесениях разведки, Сталин прекрасно знал, что у англо-американских союзников ресурсов достаточно, и мог с большей или меньшей точностью определить, какую реальную помощь союзники могли предоставить. Моих начальников, чье доверие ко мне росло, стали вполне удовлетворять мои первые аналитические справки и переводы ответственных текстов.

Мне, в сущности, повезло: я учился искусству разведки не в какой-нибудь школе, не теоретически, а на практике при исключительных обстоятельствах. Хотя мне в какой-то мере помогали сослуживцы своими советами и наставлениями, но больше всего я обязан моему первому начальнику Иосифу Львовичу Когену. Будучи старше меня примерно лет на десять, он пришел в НКВД с дипломатической работы и был чрезвычайно компетентен, методичен, осторожен, а самое главное – человечен.

Не надо забывать, что я провинциал. У меня не было в Москве ни родных, ни знакомых. Жил я в общежитии школы переводчиков, из которого меня очень скоро выселили на том основании, что комнаты там нужны для слушателей. А я уже служил в наркомате. Жить в каком-нибудь рабочем общежитии – а альтернативы тогда не было – мне не хотелось. Выручил Коген, который сам предложил найти мне жилье. Этим простым проявлением заботы обо мне Коген

полностью завоевал мое расположение. Он же и обучил меня основам работы оперативного агента. Я постепенно стал чувствовать себя увереннее и уже не сомневался, что справлюсь с порученным мне делом. Коген, в частности, заставлял меня тщательно переваривать поступающую информацию, несмотря на то, что при первом прочтении она могла показаться маловажной. Я научился писать ясно, кратко и точно, так, чтобы тот сотрудник, который получит мою справку, мог сразу же понять, что я имею в виду. Проверая мои первые тексты, Коген иногда вежливо намекал, что я проглядел тот или иной важный пункт информации.

Не могу сказать, что мы стали большими друзьями, ведь разница между нами была огромна. Он родился в интеллигентной семье, а я, как у нас говорили, принадлежал к «рабочей интеллигенции». По широкому кругу вопросов мы сходились далеко не во всем, и все же я могу с уверенностью сказать, что, если бы не Коген, я никогда не стал бы опытным разведчиком.

Читая донесения наших агентов, я начал воспринимать их как близких людей. Я узнавал их достоинства и недостатки, догадывался об опасениях и тревогах. Их образы реально стояли передо мной.

Материалы на микропленках или конспекты говорили мне теперь о многом. Я уже мог точно сказать, когда агент говорит неправду, когда хочет уйти от ответственности или приписать себе заслугу в вербовке нового агента. В Южной

Африке, например, у нас был очень старательный, даже чересчур активный агент, неумоимо вербовавший новичков. Он осыпал нас, как из рога изобилия, информацией, совершенно бесполезной, например, об отношениях между чернокожими и африканерами или различными племенами. Ему было известно абсолютно все о националистических группах, финансирующих эти племена, и от чьего имени они действовали. В нашей борьбе с немецкими фашистами этот материал не мог оказаться для нас сколько-нибудь полезным, но мы не стали останавливать агента. Изучая его сообщения, я чувствовал, что они для него составляют всю суть жизни.

Однако вся эта бюрократическая, как мне казалось, работа, в то время, когда происходила жестокая борьба с фашизмом, когда мои ровесники сражались на фронте, не приносила мне достаточного удовлетворения. Но не понадобилось много времени, чтобы понять: эта практическая подготовка дала мне возможность выйти на новый этап деятельности, позволившей с полной отдачей служить своей родине.

Глава третья

Избранные

Я много тогда путешествовал, но только в своем воображении. Например, получая информацию из Англии, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Южной Африки, Канады и британских колоний. Летом 1944 года больше всего приходилось трудиться с пакетами фотоклише, поступавшими к нам из Лондона.

Работы по-прежнему было много, и обработать все, что мы получали, также не удавалось. В Соединенном Королевстве Великобритании у нас действовал ряд чрезвычайно эффективных агентов. Все они были британцы, работавшие для нас «на идеологической основе», как мы тогда говорили. Я снова и снова классифицировал входящие документы согласно степени их важности и самые интересные из них передавал старшим сотрудникам, специалистам по Англии. Когда выдавалось свободное время – а это случалось очень редко, – я брал в руки материал, который когда-то отложил в сторону как менее важный.

Мы разработали весьма действенную процедуру. Все наши тридцать с лишним агентов в Лондоне получили указание добывать информацию только по одному определенному вопросу. Они разрабатывали его как могли, а затем этот ма-

териал подвергался анализу. Сравнивая вклад каждого агента в дело, мы смогли провести их классификацию. Из общего их числа выделили пять наиболее способных. И действительно, они быстро проявили себя как самые ценные агенты.

Материал, присылаемый остальными двадцатью пятью, по сравнению с упомянутыми выше пятью, почти не представлял собой никакого интереса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.